

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ЛИЦА:

Татьяна Никоновна, мещанка, хозяйка небольшого деревянного дома.

Оленька, ее дочь, портниха, 20-ти лет.

Пульхерия Андреевна Гущина, жена чиновника.

Прохор Гаврилыч Васютин, титулярный советник.

Небольшая комната; направо окно на улицу, подле окна стол, на котором лежат разные принадлежности шитья; прямо дверь; налево за перегородкой кровать.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Оленька (сидит у стола, шьет и поет вполголоса):

Я тиха, скромна, уединенна,
Целый день сижу одна.
И сижу обнакновенно
Близ камина у огня.

Ах, житье, житье! (Вздыхает.) Надо опять к Ивану Яковличу сходить, погадать про судьбу свою. Прошлый раз он мне хорошо сказал. По его словам выходит, что чуть ли мне не быть барыней. А ведь что ж мудреного? нешто не бывает? На грех мастера нет. Прохор Гаврилыч ведь обещал жениться, так, может, и сдержит свое обещание. Хорошо бы было; доходы он получает- большие; можно бы тону задать. Вот только разве семья-то у него, а то бы он женился, он на это прост. Да ведь и все они судейские-то такие. Я прежде сама дивилась, как это они, при своих чинах, да на нашей сестре женятся; а теперь, как поглядела на них, так ничего нет удивительного. Тяжелые все да ленивые, компанию такую водят, что им хороших барышень видеть негде: ну, да и по жизни по своей они в хорошем обществе быть не могут, - ему тяжело, он должен там тяготиться. Ну, а с нами-то ему ловко, за ним ухаживают, а он и рад. Ему без няньки одного дня не прожить, ему и платок-то носовой в карман положь, а то он забудет. Ходит только в свой суд да денег носит, а уж другим чем заняться ему лень. Пристану-ка я к Прохору Гаврилычу: «Что ж, мол, ты жениться обещал», - разные ему резонты подведу - авось у нас дело-то как-нибудь и сладится. Уж как я тогда оденусь! Вкусу-то мне не занимать стать, - сама портниха. (Поет.)

Я тиха, скромна, уединенна,
Целый день сижу одна
и т. д.

Татьяна Никоновна входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Оленька и Татьяна Никоновна.

Татьяна Никоновна. Знаешь что, Оленька, я хочу тут к окну-то занавеску повесить. Оно, конечно, красота небольшая, а вес как будто лучше.

Оленька. А я так думаю, что не к чему.

Татьяна Никоновна. А к тому, что прохожие всё заглядывают.

Оленька. Что ж, вы боитесь, что сглазят нас с вами?

Татьяна Никоновна. Сглазить-то не сглазят, да ты-то все у меня повесничаешь.

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Оленька. Вот что! Скажите пожалуйста!

Татьяна Никоновна. Да, толкуй тут себе, а я все вижу.

Оленька. Что же такое вы видите? Скажите, очень интересно будет послушать.

Татьяна Никоновна. А ты бы вот меньше тарантила! А то не дашь матери рта разинуть, на каждое слово десять резонтов найдешь. Ты только знай, что от меня ничего не скроется.

Оленька. Тем для вас больше чести: означает, что вы проницательная женщина.

Татьяна Никоновна. Да уж конечно.

Оленька. А коли вы проницательны, так, значит, вы знаете моих обожателей.

Татьяна Никоновна. Разумеется, знаю.

Оленька. А вот ошиблись: у меня их нет!

Татьяна Никоновна. Ты мне зубы-то не заговаривай.

Оленька. Ну, скажите, коли знаете!

Татьяна Никоновна. Екзамент, что ли, ты мне хочешь делать? Сказано, что знаю, вот ты и мотай себе теперь на ус. Ты думаешь обмануть мать – нет, шалишь: будь ты вдесятеро умней, и то не обманешь.

Оленька. Коли вы чувствуете себя, что вы так длинновидны, пускай это при вас и останется.

Татьяна Никоновна. Да-с, длинновидны-с; потому что вам доверия сделать нельзя-с.

Оленька. Отчего вы так воображаете обо мне, что мне нельзя сделать доверия?

Татьяна Никоновна. Потому что все вы баловницы, вот почему; а особенно которые из магазина. Вот ты долго ли в магазине-то пожила, а прыти-то в тебе сколько прибыло!

Оленька. Когда вы так гнушаетесь магазином, отдали бы меня в пансион.

Татьяна Никоновна. В какой это пансион? Из каких это доходов? Да я так думаю, что тебе это и не к лицу, нос короток! Пожалуй, сказали бы: залетела ворона в высоки хоромы.

Оленька. Не хуже бы других были, не беспокойтесь. Ну, да уж теперь тосковать об этом поздно.

Татьяна Никоновна. Да, вот, сударыня, я было и забыла! Позвольте-ка вас спросить: какого вы это чиновника приучили мимо окон шляться?

Оленька. Никого я не приучала, а и запретить, чтобы по нашей улице не ходили, тоже никому нельзя. Никто нашего запрету не послушает.

Татьяна Никоновна. Что ты мне толкуешь! И без тебя я знаю, что запретить никому нельзя. Жильцы-то вон что говорят: что как он пройдет, ты накинешь что-нибудь на плечи да и потреплешься за ним.

Оленька. Кому это нужно за мной наблюдать, я удивляюсь!

Татьяна Никоновна. А ты думала перехитрить всех? Нет, уж нынче никого не обманешь. Скажи ты мне, сударыня, с чего это ты выдумала шашни-то заводить?

Оленька. Какие шашни?

Татьяна Никоновна. Да такие же. Ты у меня смотри, я ведь гляжу-гляджу да примусь по-своему.

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru
Оленька. Что же вы со мной сделаете?

Татьяна Никоновна. Убью до смерти.

Оленька. Уж будто и убьете?

Татьяна Никоновна. Убью, своими руками убью. Лучше ты не живи на свете, чем
страмить меня на старости лет.

Оленька. Не убьете, пожалеете.

Татьяна Никоновна. Нет, уж пощады не жди. Да я и не знаю, что с тобой сделаю,
так, кажется, пополам и разорву.

Оленька. Вот страсти какие!

Татьяна Никоновна. Ты меня не серди, я с тобой не шутя говорю.

Оленька. А я думала, что вы шутите.

Татьяна Никоновна. Нисколько таки не шучу, и не думала шутить.

Оленька. Так неужели же в самом деле вы верите нашим жильцам?

Татьяна Никоновна. Как не верить-то, когда все говорят?

Оленька. Вот прекрасно! Как же вы обо мне понимаете, после этого? Что же я
такое, по-вашему? Всякий меня может поманить с улицы, а я так и пойду?

Татьяна Никоновна. Нешто я тебе такими словами говорила?

Оленька. Нет, позвольте! Коли вы считаете, что я такого неосновательного
поведения, зачем же вы живете со мной вместе? Для чего вам себя страмить? Я себе
везде место найду, меня во всякий магазин с радостью возьмут.

Татьяна Никоновна. Что ты еще выдумываешь-то! Пущу я тебя в магазин, как же!

Оленька. Однако вы мне столько обидного наговорили, что ни одна девушка не может
перенести этого.

Татьяна Никоновна. Ты, видно, не любишь, когда тебе дело-то говорят.

Оленька. Какое дело? Нешто вы сами видели? Когда сами увидите, тогда и говорите;
а до тех пор нечего вам толковать да казни разные придумывать.

Татьяна Никоновна. То-то уж я и вижу, что ты губы надула. Ну, извините-с
(приседает), что об такой особе да смели подумать. Извините-с! Пардон,
мадмуазель!

Оленька. Нечего извиняться-то! Вы всегда сначала обидите, а потом и извиняетесь.

Татьяна Никоновна. Больно уж ты что-то обидчива стала! Ну, да хороню, изволь,
больше не буду об этом говорить. Теперь довольны вы?

Оленька. Даже очень довольна-с.

Татьяна Никоновна. Только все-таки помни ты, что ежели я замечу...

Оленька. Так убьете. Я уж слышала.

Татьяна Никоновна. Да, и убью.

Оленька. Ну, хорошо, так и будем ожидать. (Взглянув в окно.) Ну, радуйтесь!
Теперь вам новостей на неделю будет.

Татьяна Никоновна. А что?

Оленька. Пульхерия Андреевна идет.

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Татьяна Никоновна. Это наш телеграф; нам газет не нужно получать. А ведь и достается ей, бедной, за сплетни; ну, да благо невзыскательна; поругают, прогонят: она опять придет как ни в чем не бывала! Уж я сколько раз гоняла, а вот все идет.

Пульхерия Андреевна входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Пульхерия Андреевна.

Пульхерия Андреевна. Здравствуйте, здравствуйте! Сейчас нашу трактирщицу встретила, идет такая разряженная, платье новое. Я таки довольно долго ей вслед посмотрела. К чему, думаю, к чему!.. Муж-то вон уж задолжал много, говорят. Ну, как поживаете? Иду мимо, думаю: как не зайти? ну и зашла.

Татьяна Никоновна. Садитесь! Что новенького?

Пульхерия Андреевна. Какие у нас новости, в нашей глупши! С тоски пропадешь; словечка перемолвить не с кем.

Татьяна Никоновна. Уж вам еще новостей не знать, так кому же! Знакомство у вас большое.

Пульхерия Андреевна. Да помилуйте, какое знакомство? Народ все грубый, обращения никакого не знает; не то чтобы что-нибудь любопытное сказать, а норовят все, как бы тебя обидеть, особенно купечество. Я даже со многими пересорилась теперь за их обращение. Вот хотя бы сейчас; зашла я к соседям, они приданое шьют, старшую дочь выдают. Отдают-то за лавочника, а приданое сделали графское, ну смех, да и только. Вот, говорю: «Не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив; с нечесаной-то бородой да какое приданое возьмет». Так кабы вы посмотрели, как они все накинулись на меня, а особенно старуха, — она у них пренасмешница и преругательница, да еще какую-то злобу к нашему благородному сословию имеет. Уж чего-чего она не прибрала! Да все в насмешку, словами непристойными, да все с рифмой. Я просто со стыда сгорела, насили выкатилась. Знаете сами, я не люблю, когда со мной дурно обращаются; я хочу себя поддержать, как прилично благородной даме. А если мне позволить вся кому наступить мне на ногу, я должна буду тогда свое звание уронить.

Татьяна Никоновна. Ну, конечно, что за оказия ронять себя!

Пульхерия Андреевна. Я вам скажу, что во мне гордости даже очень много. Я и в порок этого себе не ставлю, потому что моя гордость благородная. Против себе равных у меня нет гордости, а против таких людей, которые, при всем их необразовании, превозносятся своим богатством, я всегда стараюсь показать, что я много выше их.

Татьяна Никоновна. Супруг ваш здоров ли?

Пульхерия Андреевна. Ах, помилуйте, что ему делается! Деревянный человек, сами знаете, чувств не имеет; значит, что же его может тревожить в жизни? Только толстеет. Наградил бог муженьком, уж нечего сказать!

Татьяна Никоновна. Ну, вам грех на мужа жаловаться, он у вас добышник хороший.

Пульхерия Андреевна. Оно так, Татьяна Никоновна, только он по характеру мне совсем не пара; у меня характер легкий, увлекательный, а он сидит точно бирюк, ни до чего ему дела нет. А все-таки мы живем не хуже людей. Возьмемте хоть соседей: у Крутолобых через день драка. У Кумашниковых в неделю раз, уж это положенное.

Татьяна Никоновна. Сохрани господи!

Пульхерия Андреевна. У нас хоть по крайней мере этого нет. А у Чепчуговых вчера история-то вышла: мне кухарка их сегодня на рынке сказывала, — вот так уж комедия!

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Татьяна Никоновна. Что же такое?

Пульхерия Андреевна. Сила-то, что ли, у ней не берет, так она какую же штуку придумала: взяла да мужу вареньем и лицо и бороду и вымазала. Насилу отмыли. Ну, скажите, на что это похоже!

Татьяна Никоновна. Хорошего немногого.

Пульхерия Андреевна. Вот так-то нынче жены-то с мужьями живут, Татьяна Никоновна, а все люди женятся. Да еще на ком женятся-то! Норовят всё выше себя взять. Вот сейчас была я у Васютиных.

Олеся прислушивается.

Татьяна Никоновна. У каких это Васютиных?

Пульхерия Андреевна. Как это вы не знаете! Да вот Ольга Ивановна его знает.

Олеся. А мне почем знать?

Пульхерия Андреевна. Полноте, полноте! Еще вы были в магазине, так он к вашей хозяйке ходил.

Олеся. Это белокурый такой, что ли?

Пульхерия Андреевна. Да, да! Я очень хорошо знаю, что вы его знаете.

Татьяна Никоновна (взглянув на дочь). Так что же такое у Васютиных-то? Расскажите.

Пульхерия Андреевна. Нет, я к тому говорю, Татьяна Никоновна, как люди возможтать-то вдруг могут о себе! Ну, положим, что им счастье, да что же уж так возноситься-то! К чему это?

Татьяна Никоновна. Да какое же им счастье-то?

Пульхерия Андреевна. Да такое же и счастье, что сыну невесту нашли, и с крестьянами, видите ли, и образованную; а и крестьян-то всего тринадцать душ. Вот я и говорю, Татьяна Никоновна, как люди-то не умеют себя вести. Вы бы посмотрели только, что с старухой-то делается. Так нос подняла, что и глядеть ни на кого не хочет. Я тоже не захотела себя перед ней унизить. Мы с ней в одинаковом чине; с чего же она взяла важничать передо мной? Ну, я и ограничила ее, сколько могла. Так это, изволите ли видеть, ей не понравилось; такую подняла историю, что я даже думаю совсем оставить это знакомство. Хоть мне и не хотелось с ней ссориться, ну да что делать? язык мой – враг мой.

Олеся, видимо потревоженная, надевает шляпку и мантилью.

Татьяна Никоновна. Куда ты?

Олеся. Я, маменька, сейчас приду; мне нужно. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Пульхерия Андреевна и Татьяна Никоновна.

Татьяна Никоновна. Что это с ней сделалось? Она как будто плачет.

Пульхерия Андреевна. Знаю я. все знаю; мне только при ней говорить-то не хотелось. А вы вот ничего не знаете, а еще мать! А я думала, что вам все известно, а то бы давно сказала.

Татьяна Никоновна. Как же, узнаешь от нее что-нибудь! Она так дело обделает, что концов не найдешь.

Пульхерия Андреевна. Нет, Татьяна Никоновна, как ни остерегайся, а всякое дело со

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru временем все уж откроется. Вот у богатых да у знатных такие-то пассажи бывают, так уж как стараются скрыть! а глядишь, после через людей или через кого-нибудь и выдет наружу. Ну, а уж в нашей стороне, кажется, муха не пролетит, чтобы этого не знали.

Татьяна Никоновна. Да послушайте, Пульхерия Андреевна, неужели ж вы что серьезное про Оленьку знаете?

Пульхерия Андреевна. Серьезное не серьезное, там как рассудите. Конечно, для девушки мараль. Только вы не подумайте, чтобы я кому-нибудь, кроме вас, сказывала. Сохрани меня господи! Ну, разумеется, Васютин обольстил ее тем, что жениться на ней обещал; мне ее товарка сказывала.

Татьяна Никоновна. Ах-ах-ах-ах-ах! да когда же, матушка, когда? (Плачет.)

Пульхерия Андреевна. А когда она жила у хозяйки. Они и теперь видятся, и я знаю даже где.

Татьяна Никоновна. Ну, уж погоди же, теперь вернись только домой, я тебе задам! Эко наказанье с дочерьми! (Утирает слезы.)

Пульхерия Андреевна. Уж теперь ни бранью, ни слезами дела не поправите, а вы лучше смотрите за ней хорошенко.

Татьяна Никоновна. Уж я ее теперь с глаз не спущу.

Пульхерия Андреевна. Однако прощайте! Заболталась я с вами, а мне еще надо было кой-куда зайти. Прощайте! (Целуются. Уходит и сейчас же возвращается.) А ведь Илья-то Ильич вчера опять пьяный домой приехал. Скажите, пожалуйста, я вас спрашиваю, когда это кончится? Ведь ты женатый человек, ведь ты обязан семейством! Коли нет в тебе стыда перед людьми-то, ты хоть бы стен посовестился! Сколько у него детей-то? Знаете? Ведь пятеро. Каково же это! Прощайте! Некогда, право некогда. (Уходит и опять возвращается.) А я и забыла вам сказать. Ведь я в горе.

Татьяна Никоновна. Что за горе у вас? может, так, шутите?

Пульхерия Андреевна. Какие шутки! Этакого варварства... Этакого тиранства... Нет, этого нигде не бывает. Разве только уж в самом низком классе.

Татьяна Никоновна. С мужем опять что-нибудь?

Пульхерия Андреевна. Ведь уж все нынче носят бурнусы, уж все; кто же нынче не носит бурнусов?

Татьяна Никоновна. Ну так что же?

Пульхерия Андреевна. Ну вот одна знакомая и продает бурнус, совсем новенький. Я в надежде-то на своего дурака и говорю ей: «Вы, моя милая, не беспокойте себя, не носите ни к кому, а приносите прямо ко мне: мы его у вас купим». Ну вот она его и приносит. Думаю: что делать? И себя-то поддержать перед ней хочется, да и мужа-то боюсь; ну. как он при постороннем человеке историю заведет! Подымаюсь я на хитрости. Надеваю бурнус, беру на себя равнодушный тон и говорю ему: «Поздравь меня, мой друг, с обновкой!» Я думала, что хоть после он и побранит меня, уж так и быть, а все-таки при чужом человеке не захочет уронить меня и себя.

Татьяна Никоновна. А что же он?

Пульхерия Андреевна. Что он? Обыкновенно что. Для него первое удовольствие жену унизить, и норовит все при посторонних людях. И шутки у него, знаете, самые неприличные: «Вы, говорит, ее не слушайте; это она к зубам грезит; с ней, говорит, это бывает». – «Но за что же, однако, позвольте вас спросить, такое тиранство?» – говорю я ему. А он мне все-таки на это ни одного слова не ответил, а продолжает говорить той dame: «Она бы, говорит, всего накупила, да купило-то у ней притупилось; а я ей на глупости денег не даю». Пошел, да и сел за свои бумаги, и двери затворил. Острамил меня, решительно острамил.

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Татьяна Никоновна. Да что вы, молоденькая, что ли, рядиться-то?

Пульхерия Андреевна. Это, Татьяна Никоновна, не от лет, – это бывает врожденный вкус в человеке; и от воспитания тоже много зависит.

Татьяна Никоновна. Вот и с воспитанием-то беда: затей-то много, а денег нет.

Пульхерия Андреевна. Кабы вы понимали, что значит благородная дама, вы бы так не рассуждали; а то вы сами из простого звания, так вы и судите.

Татьяна Никоновна. Я сужу, как умею; а званием своим вам передо мной нечего гордиться, немного вы от меня ушли.

Пульхерия Андреевна. Далеко вам до меня; я из вашего-то звания себе прислугу нанимаю.

Татьяна Никоновна. А коли так, я и не знаю, что вам за охота с простыми людьми знакомство иметь! – знались бы только с благородными.

Пульхерия Андреевна. Да, уж конечно, у благородных людей совсем другие понятия, чем у вас.

Татьяна Никоновна. Ну, и ступайте к ним, а об нас уж вы не беспокойтесь; мы об вас плакать не будем.

Пульхерия Андреевна. Да-с, прощайте! Много я от вас обиды видела, всё переносила; а уж этого не перенесу; после этих слов я у вас оставаться не могу.

Татьяна Никоновна. Вот и прекрасно, так и запишем. Прощайте! И вперед просим не жаловать.

Пульхерия Андреевна. Я еще с ума не сошла, чтобы с вами знакомство водить после этого.

Татьяна Никоновна. И очень рады будем.

Пульхерия Андреевна (подходя к двери). За дочерью-то бы лучше смотрели!

Татьяна Никоновна. Не ваша печаль чужих детей качать.

Пульхерия Андреевна. Уж теперь ни ногой.

Татьяна Никоновна. Скажите, какая жалость!

Пульхерия Андреевна уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Татьяна Никоновна и потом Олеся.

Татьяна Никоновна. Какая ехидная бабенка, просто средств нет! А что ж это у меня Ольга-то делает! Убить ее мало за эти дела. Что она нейдет-то? Благо, у меня сердце-то не прошло. Беда мне с моим характером: расходится сердце, ничем не удержишь.

Олеся входит, раздевается и, плача, садится на свое место.

Ты что же это, сударыня, делаешь? Что ты об своей голове думаешь? Где была, говори сейчас?

Олеся. Ах, маменька, оставьте! Мне и без вас тошно.

Татьяна Никоновна. А! теперь тошно; а то так матери не слушаться! Вот ты и знай! да ты еще погоди у меня!

Олеся (встает и одевается). Ах, боже мой!

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Татьяна Никоновна. Что ты еще выдумала ? Куда это ты?

Оленька. Пойду куда глаза глядят. Что мне за охота брань-то слушать !

Татьяна Никоновна. Что ж, мне тебя хвалить, что ли, за твои дела?

Оленька. Да ведь и бранью-то ничего не поможете. Не маленькая уж я, мне не десять лет.

Татьяна Никоновна. Так что ж мне делать-то, по-твоему?

Оленька (садясь к столу и закрывая лицо руками). Пожалеть меня, бедную.

Татьяна Никоновна (несколько взъяренная). Да... ну что ж... ну... (Молчит несколько времени, потом подходит к дочери, гладит ее по голове и садится подле нее.) Ну что ж там такое у тебя случилось?

Оленька (плача). Да женится.

Татьяна Никоновна. Да кто женится-то?

Оленька. Прохор Гаврилыч.

Татьяна Никоновна. Это Васютин-то?

Оленька. Ну да.

Татьяна Никоновна. Вот видишь ты, вот видишь ты, до чего вас своя-то воля доводит, что значит без присмотру-то жить!

Оленька. Опять вы за свое.

Татьяна Никоновна. Ну, хорошо, ну, не буду.

Оленька. Ведь как божился-то! Как клялся-то!

Татьяна Никоновна. Божился? А! скажите пожалуйста! (качет головой.)

Оленька. Как же мне было не поверить ему? Разве я тогда понимала людей?

Татьяна Никоновна. Где понимать еще! Какие года!

Оленька (прилегая к матери). Зачем же он обманул меня?

Татьяна Никоновна. А ты думаешь, это ему так и пройдет? Ему самому бог счастья не даст за это. Вот посмотри, что ему это даром не пройдет.

Оленька (взглянув в окно). Ах, бесстыжие глаза! Да он еще сюда идет - хватило у него совести-то! Маменька, пускай он к нам войдет; не идти же мне к нему на улицу со слезами-то!

Татьяна Никоновна. Ну что ж, пускай войдет.

Васютин (в окно). Ольга Петровна, можно войти?

Татьяна Никоновна. Пожалуйте, пожалуйте!

Оленька (умоляющим голосом). Маменька!

Татьяна Никоновна. Что тебе еще?

Оленька (плача). Маменька, мне стыдно! Уйдите! Как я стану при вас с ним говорить!

Татьяна Никоновна (грозя пальцем). То-то вот ты! Ох ты мне!

Оленька. Маменька!

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Татьяна Никоновна. Ну, уж право... уж! Так вот только браниться-то не хочется.
(Уходит за перегородку.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Оленька и Прохор Гаврилыч.

Прохор Гаврилыч (в дверях). Ты, Вавила Осипыч, подожди! Я сейчас. (входит.)

Оленька. Садитесь милости просим.

Прохор Гаврилыч. Нет, я ведь так - на минуточку.

Оленька. Все-таки присядьте, коли вам у нас не противно. Или вы, может быть, уж теперь нас гнушаетесь.

Прохор Гаврилыч (садясь). Да нет. Вот какого роду дело... Вот видишь ты, я сам ей-богу бы никогда, да маменька...

Оленька. Что же маменька?

Прохор Гаврилыч. Все меня бранит за мою жизнь. Говорят, что я неприлично себя веду, что совсем дома не живу.

Оленька (чертит ножницами по столу). Да-с. Вам неприлично себя так вести, вы благородный, служащий...

Прохор Гаврилыч. Ну вот все и пристает ко мне, чтобы я женился, чтобы я жил семейно, как порядочному человеку следует. Ну, понимаешь, все-таки мать.

Оленька. Понимаю-с, как не понять! Так вы хотите маменькино желанье исполнить? Что ж, это очень благородно с вашей стороны, потому что старших всегда надо уважать. Вы же так свою маменьку любите и во всем ее слушаетесь... Ну, так что же-с?

Прохор Гаврилыч. Ну вот я...

Оленька. И женитесь?

Прохор Гаврилыч. И женюсь.

Оленька. Честь имею вас поздравить! Что же, вы с большим состоянием берете?

Прохор Гаврилыч. Ну нет, не очень.

Оленька. Отчего же так? Вы, в надежде на вашу красоту, могли бы за миллионщицу посвататься. Или вы, может быть, хотите облагодетельствовать собой какую-нибудь бедную барышню? Это доказывает, что у вас доброе сердце.

Прохор Гаврилыч. Какое же тут сердце! Я для маменьки делаю. Конечно, нам с маменькой приятно, что она в пансионе воспитывалась, по-французски говорит.

Оленька. Ну да как же вам, с вашим умом и образованием, да жениться на невоспитанной! Это для вас очень низко! Вот женитесь, будете с своей супругой по-французски и на разных языках говорить.

Прохор Гаврилыч. Да я не умею.

Оленька. Вы притворяетесь, что не умеете. Вы не хотите только перед нами, простыми людьми, своего образования показывать, а перед барышней вы себя покажете.

Прохор Гаврилыч. Так вот я и пришел к тебе...

Оленька. Напрасно себя беспокоили.

Прохор Гаврилыч. Надо же было сказать...

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru

Оленька. Стоит ли вам об нас думать!

Прохор Гаврилыч. Как же не думать! Кабы я тебя не любил; а то ведь я люблю тебя.

Оленька. Очень вам благодарна за вашу любовь!

Прохор Гаврилыч. Ты на меня, Оленька, не сердись: я сам вижу, что поступаю против тебя дурно, даже можно сказать – подло.

Оленька. Коли вы так понимаете об себе, пускай это при вас и останется.

Прохор Гаврилыч. Нет, право, Оленька, я ведь не то что другие: бросил, да и знать не хочет.

Оленька. А вы что же?

Прохор Гаврилыч. Да я все, что тебе угодно. Ты мне скажи, что тебе нужно.

Оленька. Ничего мне от вас не нужно! Вы меня обижать так не смеете. Что же, я вас из-за денег любила? Я, кажется, этого виду не показывала. Я вас любила, потому что всегда знала, что вы на мне женитесь, а иначе я бы ни за что на свете...

Прохор Гаврилыч. Да мне что! Разве я бы не женился? да вот семья-то.

Оленька. Вы должны были это знать.

Прохор Гаврилыч. Как же мне с тобой быть, – я, право, уж и не знаю.

Оленька. Это довольно странно для меня. Вы свое дело сделали: обманули, насмеялись, – чего вам еще нужно? Остается поклон, да и вон. Об чем вам еще беспокоиться! чтобы я жаловаться не пошла кому-нибудь? Так я за это не возьму миллиона от одного только от стыда.

Прохор Гаврилыч. Я не об себе беспокоюсь, а о тебе.

Оленька. А обо мне что вам беспокоиться! да и кто вам поверит, что вы обо мне думаете сколько-нибудь!

Прохор Гаврилыч. Нет, Оленька, ты мне этого не говори! Мне, право, совестно. Я ведь человек простой, откровенный...

Оленька. Тем лучше для вас.

Прохор Гаврилыч. Только характер у меня такой, путаный. Ведь вот я теперь буду мучиться об тебе.

Оленька. Скажите!

Прохор Гаврилыч. Мне до смерти жаль тебя... да ты мне позволь как-нибудь заходить к тебе хоть на минуту.

Оленька. Нет, уж увольте! Вам нужно, чтобы везде слава пошла. Я хочу замуж идти.

Прохор Гаврилыч. Так уж никогда и не видаться?

Оленька. Разумеется, никогда. Ведь, кроме страму, от вас прибыли-то никакой нет.

Прохор Гаврилыч. Ну, так простимся без сердца по крайней мере.

Оленька. Прощайте!

Васютин хочет поцеловаться.

Не для чего!

Прохор Гаврилыч (после непродолжительного молчания). Как же это, право... Подло,

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
уж сам вижу, что подло! А как поправить – не знаю.

Оленька. Мне даже смешно слушать! Ступайте! Вас товарищ дожидается.

Прохор Гаврилыч. Какой это товарищ! Это купец, кутила. Вот ты какая! Тебе
ничего, а я ночи не сплю. Право.

Оленька. Смотрите не захворайте!

Прохор Гаврилыч. Нет, пожалуйста, коли тебе что понадобится: деньги или что
другое, ты, сделай милость – пришли! Для меня даже это будет приятно.

Оленька. Нет, уж я лучше с голоду умру. За кого вы меня принимаете?

Прохор Гаврилыч. Мне, право, так жалко тебя; я хоть заплакать готов.

Оленька. Это будет очень интересно!

Прохор Гаврилыч. Позволь нынче вечерком заехать.

Оленька. С чего это вы выдумали!

Прохор Гаврилыч. Ну, прощай! Бог с тобой! (Уходя.) Ты, ради бога, не сердись! А
то все и будешь думать об тебе.

Оленька. Прощайте! Прощайте!

Васютин уходит; входит Татьяна Никоновна.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Оленька и Татьяна Никоновна.

Татьяна Никоновна. Ну что? Ушел?

Оленька. Ушел. (Садится к столу и плачет, закрывшись платком.) Как я выдержала,
это только один бог знает.

Татьяна Никоновна. Поплачь, поплачь, легче будет. Да и совсем его из головы надо
выкинуть, чтоб пусто ему было! (Взглянув в окно.) Ну, опять Андреевна мимо идет.

Оленька. Маменька, покличьте ее.

Татьяна Никоновна. Да ведь я с ней поборанилась.

Оленька. Помиритесь! Мне нужно, нужно!

Татьяна Никоновна. Помириться долго ли! (В окно.) Пульхерия Андреевна! Пульхерия
Андреевна! (Дочери.) Идет. Благо, еще не спесива, хоть то хорошо. Только зачем
она тебе понадобилась, я уж этого не придумаю.

Оленька. А вот увидите.

Пульхерия Андреевна входит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Оленька, Татьяна Никоновна и Пульхерия Андреевна.

Татьяна Никоновна. Вы меня, пожалуйста, извините, Пульхерия Андреевна; я давеча
по своему глупому характеру погорячилась.

Пульхерия Андреевна. Коли вы, Татьяна Никоновна, говорите это от раскаяния, так я
на вас ни в каком случае сердиться не могу. Я очень снисходительна к людям, даже
больше, чем следует.

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Оленька. Вы, Пульхерия Андреевна, знаете, на ком Васютин женится?

Пульхерия Андреевна. Еще бы мне не знать!

Оленька. Вы знакомы с ними?

Пульхерия Андреевна. Нет, незнакома. Да разве долго познакомиться!

Оленька. Сделайте милость, Пульхерия Андреевна, разузнайте хорошенъко...

Пульхерия Андреевна. Что разузнать-то?

Оленька (плача). Хороша ли его невеста? Любит ли он ее? Любит ли она его?

Пульхерия Андреевна. Только?

Оленька. Только! (Садится к столу и закрывает лицо руками.)

Татьяна Никоновна. Ну, оставимте ее. Бог с ней!

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ЛИЦА:

Гаврила Прохорыч Васютин, старик, отставной чиновник.

Анфиса Карповна, жена его.

Прохор Гаврилыч Васютин, сын их.

Вавила Осипович Густомесов, купец, лет 35-ти, одет по-русски.

Орест, лакей, лет 50-ти, важный, неповоротливый, в засаленном сюртуке, часто вынимает табакерку с генералом.

Гостиная в доме Васютиных: налево дверь в кабинет Прохора Гаврилыча, прямо выходная дверь, направо – во внутренние комнаты. Налево от зрителей диван, направо стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Орест (проводит просителя в кабинет). Пожалуйте! Пожалуйте! Мы ваше дело знаем: ваше дело правое. (Проситель уходит.) Правда, пословица-то говорится: «У всякого плута свой расчет!» Вот хоть бы нашего барина взять! Ума у него нет. С судейскими со своими или и с нашим братом хорошего разговору от него нет, умного (нюхает табак), чтобы стоило внимания. Лепечет много языком-то, а ничего не складно, безо всякого рассудка, что к месту, что не к месту – так, как шелаш какой. А вот с просителями так он свое дело знает, – такой тон держит, что любо на него смотреть. Строгость на себя напустит, точно в меланхолии в какой сделается, и язык-то у него не ворочается; так проситель-то вздыхает, вздыхает, пот его прошибет; выйдет из кабинета-то, точно из бани; и шинель-то станет надевать – вздыхает, и по двору-то идет – все вздыхает да оглядывается. А с кем так и лаской: и по плечу треплет и по животу гладит. Вот эту-то политику он знает! Нужды нет, что не умен, а на эти дела тонок. Ну, и живет себе, как сыр в масле катается. Так-то вот и наш брат, – всякий должен себя понимать! Кто что умеет, то и делай, а не за свое дело не берись! Я теперь... я все могу, а в хороший дом я служить не пойду. Потому, во-первых – лета, во-вторых – болезнь во мне: в ногах лом стоит; опять же по временам слабость у меня к этой дряни (плюет), к этому проклятому вину. В хорошем доме ума не нужно, там ловкость, и чтобы в струне человек был, потому завсегда ты на виду. А мне теперь нужен покой! Мне, по моему характеру, только и жить у подъячих! Ни одёжи от тебя не требуется, ни чистоты, – знай только обращение с просителями. А коли я умею обойтись с человеком, так мне и жаловаться не нужно. У барина свой доход, а у меня свой: потому в моей власти допустить к барину и не допустить. И ежели бы я не был подвержен, по своей слабости, этой временной болезни дня на три и на четыре в месяц, большие бы у меня капиталы были; по здешнему дому оно, конечно,

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru
сокращать себя не стоит, – удовольствия этого лишать; да только вот что: как
наберешься этого угара, так много у тебя зря денег выходит.

Входит Анфиса Карповна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Орест и Анфиса Карповна.

Анфиса Карповна. Есть кто-нибудь у барина?

Орест. Проситель сидит.

Анфиса Карповна. Купец или благородный?

Орест. По-немецки, а должно быть, купец.

Анфиса Карповна. Я тебе, Орест, давно говорила, чтобы ты с купцов денег не просил, а ты все-таки своей привычки не оставляешь. Я ведь все вижу. В передней помешают тебе, так ты за ворота выскочишь да там пристаешь, словно нищий.

Орест. Эх, сударыня!

Анфиса Карповна. Что: эх, сударыня? И для нас это страм; подумают, что вы у нас нужду терпите.

Орест. Эх, барыня! Из чего служить-то?

Анфиса Карповна. Ты жалованье получаешь.

Орест. Какое жалованье, сударыня! Стоит ли оно внимания.

Анфиса Карповна. Так зачем же ты живешь, коли ты недоволен жалованьем?

Орест. Эх, сударыня! Затем и живу, что доход есть. Уж это от начала вселенной заведено, что у служащего человека камердинер свой доход имеет. Ну, а которые из просителей этого обыкновения не имеют, тем и напомнишь.

Анфиса Карповна. Да все-таки это мараль.

Орест. Никакой, сударыня, марали нет.

Анфиса Карповна. А я вот Прошеньке скажу, чтоб он тебе запретил.

Орест. Никогда они мне не запретят, по тому самому, что они тоже доходом живут, жалованье тоже небольшое получают. Они могут рассуждать правильно, сообразно с рассудком.

Анфиса Карповна. А я, по-твоему, неправильно рассуждаю, несообразно с рассудком? Как ты смеешь так говорить со мной?

Орест. Вот что, сударыня, извините вы меня: всякий свое дело знает. Одно дело вы можете рассудить, а другое дело мужского рассудка требует. Как же вы говорите, чтобы не брать! Господи боже мой! да с чем это сообразно! Ну, положим, не я у вас буду служить, другой будет; так нешто он не станет братъ? – тоже станет; женщину заставьте служить, и та станет братъ. Коли есть такое положение, чтобы брать деньги с просителей, как же вы мне приказываете не брать? Для чего же мне от своего счастья отказываться? Это даже смешно слушать!

Анфиса Карповна. Ты такой грубиян, такой грубиян стал, что просто терпенья нет с тобой! Я непременно на тебя сыну пожалуюсь.

Орест. Эх, сударыня! Какой же я грубиян! А что, конечно, которое дело до вас не касающееся, так скажешь...

Анфиса Карповна. Как не касающееся? Все, что до сына касается, и до меня касается, потому что я всячески стараюсь его хоть немножко облагородить.

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Орест. Все это я, сударыня, понимаю-с, только никак нельзя.

Анфиса Карповна. Отчего же нельзя? Вот он теперь женится на барышне образованной, так совсем другой порядок в доме пойдет.

Орест. Никак этого нельзя-с.

Анфиса Карповна. Как нельзя? Вот ты увидишь, что очень можно.

Орест. Разве службу оставят.

Анфиса Карповна. И службу оставлять не станет, только деликатнее вести себя будет, уж и людей таких держать будет...

Орест. Каких хотите, сударыня, держите, все это одно. Хоть теперь барин и женится, да ежели не оставит службу, так круг знакомства у них все тот же будет, все те же служащие да купечество, та же самая канитель, что и теперь; так и люди, глядя на господ, себя в строгости содержать не будут. И брать деньги тоже будут, потому что купцы даже любят, когда с них деньги берут. Если с него не взять, так он опасается, — уж у него такой развязности в разговоре нет, точно он чего боится. С купечеством тоже надо уметь обойтись! А что насчет благородства, так этак всякий бы, пожалуй, захотел...

Анфиса Карповна. Ну уж молчи, пожалуйста, когда тебя не спрашивают.

Орест. Я замолчу; только уж, видно, сударыня, выше лба глаза не растут.

Анфиса Карповна. Где твое место? Твое место в передней! Что же ты здесь толчешься! В комнаты ты должен войти, когда тебя позовут...

Орест. Известно, в передней: потому хам. А тоже и господа господам рознь, и потому только одно это название, что он господин, а по делу совсем напротив выходит. Хоть бы теперь барин жениться хочет...

Анфиса Карповна. Я тебе сказала, чтоб ты шел в переднюю.

Орест. Я пойду. Эх, сударыня! Говорить-то только не приходится, а то бы я сказал. Тоже смыслим кой-что. Надо жену-то по себе брать. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анфиса Карповна и потом Гаврила Прохорыч.

Анфиса Карповна. Какое наказание с этим народом! Сколько уж у нас людей перебывало, все такие же. Сначала недели две поживет ничего, а потом и начнет грубить либо пить. Конечно, всякий дом хозяевами держится. А у нас какие хозяева-то! Только сердце болит, на них глядя. С сыном вот никак не соображу: молодой еще человек, а как себя неприлично держит. Знакомства-то, что ли, у него нет, заняться-то ему не у кого? Или уж в отца, что ли, уродился? тоже, знать, пути не будет! Хоть бы мне уж жениТЬ-то его поскорее! Отец от безобразной жизни уж совсем рассудок потерял. Ну, вот люди-то, глядя на них, и меня не уважают. Всю жизнь я с мужем-то маялась, авось хоть сын порадует чем-нибудь! Хоть бы месяц пожить как следует; кажется, для меня это дороже бы всего на свете. А и мне еще люди завидуют, что сын много денег достает. Бог с ними, и с деньгами, только б жил-то поскромнее. Есть же такие счастливые, что живут да только радуются на детей-то, а я вот...

Входит Гаврила Прохорыч.

Вот еще давно не видались. Зачем это? Не слыхать ли?

Гаврила Прохорыч (приседает, как барышня, и шепотом). За газетами-с. (Берет со стола газеты.)

Анфиса Карповна. Сидели бы наверху у себя. Кому нужно на вас глядеть-то! Тут, чай, люди ходят. Сына-то только стыдите!

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru

Гаврила Прохорыч. Сына стыдите! у! у! (Делает гримасы.)

Анфиса Карповна. Ну, пожалуйста, не паясничайте, я не люблю этого.

Гаврила Прохорыч (злобно). Кого я могу стыдить! Я титулярный советник.

Анфиса Карповна. Важное кушанье!

Гаврила Прохорыч. да-с! дослужитесь подите! Что такое титулярный советник?
Капитан-с! А! Какова штука-то! Вот и думайте, как знаете!

Анфиса Карповна. Что думать-то! думать-то нечего! Много вашего брата по
кабакам-то шляется. Знаю я одно, что тридцать лет с вами маялась, да и теперь
маюсь.

Гаврила Прохорыч. Ну, не очень гневайтесь, уйду-с. А то сына стыдить! Сам он
меня стыдит. (Уходит, потом возвращается и плачет.)

Анфиса Карповна. Это что еще?

Гаврила Прохорыч. Прошенька скоро женится.

Анфиса Карповна. Ну, так что же?

Гаврила Прохорыч. Жалко Прошеньку.

Анфиса Карповна. Ведь это не вы плачете; это вино в вас плачет. Плачут-то, когда
дочерей отдают, а когда сыновей женят, так радуются. Вы забыли.

Гаврила Прохорыч. Нет, так что-то чувствительно стало; а то я ничего, – я
радуюсь. Он ко мне почтителен; он меня, старика, уважает, к слабостям моим
никсходит.

Анфиса Карповна. Вы и его-то этим слабостям выучили. А вы бы вот оделись да
нынче с сыном к невесте съездили, благо, вы в своем виде, а то ведь не скоро
этого дождешься.

Гаврила Прохорыч. Хорошо, я пойду оденусь.

Анфиса Карповна. Да ведите-то себя приличней.

Гаврила Прохорыч. Что вы меня учите! Я знаю, как себя вести. Как ведут себя
благородные люди, так и я себя стану вести. (Уходит.)

Анфиса Карповна. Как же! Похоже на то, что ты будешь вести себя, как благородные
люди ведут! Ну, да с старика-то не взыщут.

Входит купец с кульком в руках

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Анфиса Карповна и купец.

Анфиса Карповна. А, Вавила Осипыч! Вы к Прошеньке?

Купец. Точно так-с.

Анфиса Карповна. Он занят теперь.

Купец. Подождем-с.

Анфиса Карповна. Садитесь, пожалуйста!

Купец. Покорнейше благодарим-с. Не извольте беспокоиться-с. (Садится.)

Анфиса Карповна. Что это такое у вас? Вино, должно быть?

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Купец. Оно самое-с.

Анфиса Карповна. Что это вы всё вино носите?

Купец. Потому завсегда требуется-с.

Анфиса Карповна. Да уж часто вы его носите-то, да и помногу.

Купец. Изойдет-с. Для дому вещь необходимая-с.

Анфиса Карповна. Что ваше дело?

Купец. Прикончено-с.

Анфиса Карповна. Что ж, вы довольны?

Купец. Не то что довольны, а так надобно сказать, что должны век бога молить за Прохора Гаврилыча. За это дело я теперь, кажется, по гроб моей жизни все, что только им угодно. Скажи они мне: Вавила Осипыч!... меня, сударыня, Вавила Осипыч зовут... достань птичьего молока! Всю вселенную пешком обойду, а уж достану.

Анфиса Карповна. Да, ему многие благодарны.

Купец. Отменный человек-с.

Анфиса Карповна. Его купечество очень любит.

Купец. Нельзя не любить-с; потому, первое дело, человек деловой-с, всякому нужный; а второе дело, невзыскательны-с. С нашим братом компанию водит, все равно что с равным, безобразия нашего не гнушается; даже я так замечаю, что им очень нравится. Ну, и выпить ежели, так как у нас этот порядок заведен, — я вам доложу, сударыня, мы временем бываем довольно безобразны, так нам для этого нужна компания, — так они никогда от этого не прочь, а завсегда с нами по душе. И не то чтоб отставать или компанию ломать, а могут посидеть вплотную и со всеми равняются. Да другой и из наших против них не выстоит. Ну, и значит, человек стоит уважения. Ведь и у нас тоже не всякого полюбят, а с разбором-с, кто чего стоит.

Анфиса Карповна. Только уж он много пьет-то с вами.

Купец. Нет, что за много-с! Соразмерно пьют.

Анфиса Карповна. Нет, уж не очень соразмерно.

Купец. Оно точно, кто редко, так, может быть, и много покажется-с; а ежели пить постепенно, вот как мы-с, так оно ничего. На все привычка-с.

Анфиса Карповна. Знаете ли, Вавила Осипыч, я его женить собираюсь.

Купец. Очень прекрасно-с.

Анфиса Карповна. Он теперь в таких летах.

Купец. В самом разе-с.

Анфиса Карповна. Ну, а я стара стала; ведь не знаешь, когда бог по душу пошлет, так хочется его устроить при жизни. Познакомилась я недавно с одной барыней, у ней дочка только что из пансиона вышла; поразговорились мы с ней, я ей сына отрекомендовала; так у нас дело и пошло. Я ей как-то и намекнула, что вот бы, мол, хорошо породниться! «Я, говорит, не прочь! Как дочери понравится!» Ну, уж это, значит, почти кончено дело. Долго ли девушке понравиться? Она еще и людей-то не видала. А с состоянием, и деньги есть, и имение.

Купец. Самое настоящее дело-с.

Анфиса Карповна. Я вам скажу, Вавила Осипыч, я никак не думала, что он такой дальний будет. Ученье ему не давалось — понятия ни к чему не было, так что через

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru великую силу мы его грамоте выучили, – больших хлопот нам это стоило. Ну, а уж в гимназии и совсем ничего не мог понять; так из второго класса и взяли. К этому же времени отец-то его совсем ослаб. Столько я горя перенесла тогда, просто выразить вам не могу! Определила я его в суд, тут у него вдруг понятие и открылось. Что дальше, то все лучше; да вот теперь всю семью и кормит. Да еще что говорит! Я, говорит, маменька, службой не дорожу; я и без службы, только частными делами состояние себе составлю. Вот какое понятие ему вдруг открылось!

Купец. И теперича их работа самая дорогая и самая тяжелая, потому что все надо мозгами шевелить. Без мозгов, я так полагаю, ничего не сделаешь.

Выходят из кабинета Прохор Гаврилыч и проситель. Купец встает.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Прохор Гаврилыч и проситель.

Прохор Гаврилыч (проводя просителя до двери). Я вам сказал, что хлопотать буду; ну, а там что бог даст.

Проситель. Сделайте милость, Прохор Гаврилыч! (Уходит в дверь.)

Прохор Гаврилыч (в дверь). Хлопотать я буду, уж я вам сказал; а там, как взглянут.

Проситель (из передней). Уж похлопочите, Прохор Гаврилыч. Прощенья просим!

Прохор Гаврилыч. Прощайте! (К купцу.) А, друг! Что это ты, вина принес?

Купец. Особенного.

Прохор Гаврилыч. Ну вот спасибо! Так попробовать надо. Орест!

Входит Орест.

Откупори да подай рюмок!

Орест берет кулек.

Купец. Ты двух сортов откупори. А те, что с долгим горлышком-то, для другого разу оставь. Да постой, я покажу тебе.

Купец и Орест уходят.

Анфиса Карповна. Ты ведь к невесте хотел ехать.

Прохор Гаврилыч. Я и поеду.

Анфиса Карповна. А зачем же вино-то пить?

Прохор Гаврилыч. Так, маменька, что-то я нынче в расположении. Все сидел за делом, так хочется голову освежить, чтобы фантазия была.

Входят купец и Орест с бутылками и рюмками на подносе и ставят его на стол.

Купец (Оресту). А ты, братец, поглядывай! Коли видишь, что которая опросталась, ты и перемени, свеженькую подставь. Не все же тебя кликать.

Орест уходит.

Прохор Гаврилыч (садится). Ну, вот теперь сядем да потолкуем.

Купец. Сейчас-с! (Наливает вино о рюмки и подносит Прохору Гаврилычу.) Пожалуйте-с!

Прохор Гаврилыч берет и пьет.

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Вас, сударыня, прикажете просить?

Анфиса Карповна. Я его и видеть-то не могу.

Купец. Как будет угодно; неволить не смею-с. Вот теперь сам выпью-с. (Наливает себе.) Желаю вам быть здоровым, сударыня!

Анфиса Карповна. Покорно благодарю! Кушайте на здоровье.

Купец (пьет). Теперь разве вдруг по другой? А то с одной-то не разберешь.

Прохор Гаврилыч. Наливай!

Купец наливает.

Анфиса Карповна. Будет вам!

Прохор Гаврилыч. Полноте, маменька! Что мы, дети, что ли! Я себя знаю.

Купец (подавая рюмки). Пожалуйте-с! Честь имею поздравить! (Пьет сам.)

Прохор Гаврилыч. С чем?

Купец. Как с чем! Да нынче что?

Прохор Гаврилыч. А что?

Купец. Первая пятница на этой неделе. Ну, вот и честь имеем поздравить.

Прохор Гаврилыч. Ах ты голова! Маменька, каков молодец!

Анфиса Карповна. Поезжай ты поскорее!

Прохор Гаврилыч. Маменька, я понимаю. Вот сейчас и поедем.

Купец. Прикажете?

Прохор Гаврилыч. Наливай!

Анфиса Карповна. Этому конца не будет!

Прохор Гаврилыч и купец пьют.

Прохор Гаврилыч (встает и подходит к матери; в это время купец еще наливает по рюмке). Маменька, я вижу, что вы обо мне заботитесь, и чувствую это. Пожалуйте ручку! (Целует руку.) Я грязную жизнь веду, — я это понимаю; какой же матери это приятно! Ну, я и оставлю. Женюсь и оставлю. Вам не угодно, чтобы я такую жизнь вел, ну, я и оставлю. (Опять целует руку.) Я для вас все, что вам угодно.

Анфиса Карповна. Дай-то бог!

Прохор Гаврилыч (подходит к столу и пьет). Я уж сказал, маменька! У меня сказано — сделано.

Купец. А я тебя, барин, вчера долго ждал. Я с вашим сыном теперь, сударыня, все равно что неизменное копье: куда он, туда и я. Вот уж другую неделю с ним путаемся, расстаться не могу, все и ездим вместе. Коли он по делу куда зайдет, я на дрожках подожду либо в трактире посижу. А глядишь, к вечеру-то кулечек захватим, да и за город махнем, на травке полежать. Под кустиком-то оно приятно.

Прохор Гаврилыч. Мы и нынче с тобой вместе поедем.

Анфиса Карповна. Ты с отцом поедешь.

Прохор Гаврилыч. Ну, что ж! Он за нами поедет. Ты подожди в трактире! Я оттуда скоро. Что там долго-то делать? Посидим, поговорим, да и кончено дело. Там ведь сухо; кроме чаю, ничем не попотчуют. Да и разговаривать-то с ними, из пустого-то в порожнее пересыпать, тоже скука возьмет.

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru

Купец. Канитель... (Наливает себе и Прохору Гаврилычу.)

Прохор Гаврилыч (пьет). Уж именно, брат, канитель.

Анфиса Карповна (умоляющим голосом). Проша!

Прохор Гаврилыч. Маменька, я чувствую. Что у меня – каменное, что ли, сердце-то! Я ведь понимаю, что вам эта жизнь не нравится, и мне она не нравится. Вы находите, что грязно, – и я вижу, что грязно. Вижу, вижу, маменька. Вам не нравится, ну я и оставлю: я для вас это удовольствие сделаю.

Анфиса Карповна. Что же не оставляешь?

Прохор Гаврилыч. Маменька, оставлю. Уж будьте покойны, оставлю, и в рот не буду брать.

Купец (наливая). Зачем совсем оставлять!

Прохор Гаврилыч (берет и пьет). Нет, я, брат, совсем оставлю. Только, маменька, нельзя же вдруг.

Купец. Даже вред может быть от этого.

Анфиса Карповна. Как же ты к невесте-то поедешь?

Прохор Гаврилыч. Маменька, я себя знаю. Надобно так к невесте ехать, не то чтобы пьян, это уж скверно; а чтобы фантазия в голове была. Что я без фантазии буду с ними, маменька, разговаривать? Об чем? Кабы я знал что-нибудь или читал книги какие, тогда бы другое дело. Значит, мне фантазия и нужна.

Купец. С фантазией лучше.

Прохор Гаврилыч. Я без фантазии с женщинами никогда и не разговариваю; мне как-то робко подойти. А как есть маленькая фантазия, так откуда смелость возьмется!

Входит Орест, ставит бутылку на стол, а пустую уносит.

Анфиса Карповна. Сходи наверх, скажи барину, что пора ехать.

Орест. Они не могут.

Анфиса Карповна. Отчего?

Орест. Я из передней-то отлучился ненадолго, а они унесли бутылку да, должно быть, ее и кончили.

Анфиса Карповна. Тиранит он меня! Хоть вы-то поезжайте.

Прохор Гаврилыч. Мы, маменька, сейчас. Ну-ка, на дорожку. Орест, вели лошадь подавать!

Орест уходит.

Купец. И по закону следует. (Наливает.)

Прохор Гаврилыч. А где такой закон? Где он написан? (Пьет.)

Купец. Да хоть он и не написан, а всякий его исполняет.

Прохор Гаврилыч. Ну, какие же у тебя планы? Куда мы с тобой нынче вечером?

Купец. А какие планы? Планы у меня вот какие: перво-наперво в Марьину рощу съездить засветло; а оттуда по дороге в Ельдораду.

Прохор Гаврилыч. Ну, хорошо. Я недолго пробуду, часу до девятого, не больше.

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Анфиса Карповна. Да поезжайте! Лошадь дожидается.

Прохор Гаврилыч. Сейчас, маменька. Надобно же столковаться-то; а то там рассуждай после, куда ехать, а время-то идет.

Купец. Это настоящее дело-с.

Прохор Гаврилыч (встает). Ну, поедем! Прощайте, маменька! (Целует руку.) Видите, маменька, я еду. Я для вас все... Что прикажете, то я и сделаю. Вот теперь я себя чувствую, что я могу разговаривать. Я теперь об чем хотите... А без фантазии просто смерть, рот боишься разинуть. (Нагибается к матери.) А вы, маменька, не беспокойтесь насчет того; там все кончено. Ну, то есть насчет Оленьки... Вам Пульхерия Андреевна насплетничала, вы огорчились этим; я сейчас же понял, что вам это неприятно, ну и кончил все. Я из вашего лица заметил, что вам неприятно, ну и кончил.

Анфиса Карповна. Ну и хорошо.

Прохор Гаврилыч. Кончил, кончил. Прощайте! (Целует руку.)

Купец. И посошок на дорогу. (Наливает.)

Анфиса Карповна. Какой еще посошок?

Купец. Уж без этого нельзя-с.

Пьют.

Прохор Гаврилыч (взяв шляпу). Маменька, прощайте!

Купец. Прощения просим, сударыня! Вы нас извините; потому, как, собственно, мы из расположения, а не с тем, чтобы что-нибудь дурное. (Кланяется.)

Прохор Гаврилыч (уходя). А вы, маменька, насчет того не беспокойтесь. Я вам сказал – так оно и есть. Кончил я все, кончил.

Уходят.

Анфиса Карповна. Ну, слава богу, уехали! Ну, вот надо бы прогнать этого купца, а как его прогонишь? – нужный человек! Что делать, должность такая. Она бы служба-то и не трудна, да вот этим-то уж очень тяжела – знакомством-то. Тяжелая служба! Ты его стараешься как на путь наставить; а по службе-то он должен вот этакую компанию водить. Не водить компанию – не иметь доходу; а водиться с ними, так сопьешься с кругу. Вот тут как хочешь и раскидывай умом. А матери-то и то больно, и другое не сладко. Деньги-то, знать, никому даром не достаются.

Входит Пульхерия Андреевна.

Это еще какими судьбами!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Анфиса Карповна и Пульхерия Андреевна.

Пульхерия Андреевна. Вы не удивляйтесь! Хоть мы с вами иссорились, но я все-таки всегда желала вам добра и никогда вас не могу променять на мещанку какую-нибудь. А теперь выходит такое дело, что я должна вас предупредить; потому я и думаю, что лучше мне позабыть все, что между нами было. По крайней мере вы из слов моих увидите, сколько во мне благородства против вас.

Анфиса Карповна. Покорно вас благодарю.

Пульхерия Андреевна. Потому что как бы мы с вами ни ссорились, а вы всегда дороже для меня, по своему званию, какой-нибудь мещанки.

Анфиса Карповна. В чем дело-то? Я вас не пойму.

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru
Пульхерия Андреевна. Дело в том, Анфиса Карповна, что есть люди, которые, при
всем своем ничтожестве, много об себе думают и много себе позволяют. Но по
глупости своей, которая в их круге врожденная, не могут никак скрыть своих
хитростей.

Анфиса Карповна. Вы уж очень мудрено говорите.

Пульхерия Андреевна. Кажется, вам бы можно понять; теперь же у вас такое дело,
которое требует с вашей стороны осторожности и оглядки.

Анфиса Карповна. Что же такое за дело? Что я хочу сына женить, так это дело
очень обыкновенное.

Пульхерия Андреевна. А ежели есть люди, которым это очень не нравится?

Анфиса Карповна. А мне-то что за дело!

Пульхерия Андреевна. Ежели бы не было дела, разве бы я к вам пришла?

Анфиса Карповна. Пустяки какие-нибудь.

Пульхерия Андреевна. Хотя ваши слова для меня и обидны, но я вам скажу, что не
пустяки. Если б пустяки, я бы к вам не пошла. Я должна была переломить себя,
чтобы идти к вам; а ежели бы были пустяки, для чего бы мне переламывать себя и
идти к вам?

Анфиса Карповна. Ну, так скажите, коли знаете что.

Пульхерия Андреевна. Разумеется, знаю.

Анфиса Карповна. Что же такое?

Пульхерия Андреевна. Я вам говорила про одну девушку.

Анфиса Карповна. Помню, помню.

Пульхерия Андреевна. Ну, так они хотят помешать вашему намерению. Я у них нынче
была, они мне об этом говорили. Я притворилась, что их слушаю; но, вы сами
можете понять, могу ли я терпеть, чтобы какая-нибудь мещанка сделала такую
неприятность благородной dame? Они воображают, что я могу быть с ними заодно; но
они очень ошибаются.

Анфиса Карповна. Да чем же они могут помешать?

Пульхерия Андреевна. Ах, боже мой! Точно вы не понимаете! Пойдут к невесте в дом,
ну и расскажут все.

Анфиса Карповна. Да что же все-то?

Пульхерия Андреевна. Какого Прохор Гаврилыч поведения, и разные другие поступки.

Анфиса Карповна. Да кто же им поверит?

Пульхерия Андреевна. Отчего же не поверить?

Анфиса Карповна. Да стоит только взглянуть на моего сына, чтоб не поверить
никаким сплетням. А они его часто видят; вот он и теперь к ним поехал.

Пульхерия Андреевна. Что же уж вы так очень высокого мнения об вашем сыне?

Анфиса Карповна. Да если он этого стоит.

Пульхерия Андреевна. Ну, а насчет крепких напитков-то, что вы скажете?

Анфиса Карповна. Кто же его видел пьяным?

Пульхерия Андреевна. Вот прекрасно! Да я думаю, все видали. Трезвым-то редко
видят, а пьяным-то чуть не каждый день.

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru

Анфиса Карповна. Так затем-то вы пришли, чтоб моего сына мне в глаза позорить?

Пульхерия Андреевна. Хотя и не затем, но что же делать, когда вы так ослеплены? Должна же я вам выразить то, что все об нем знают.

Анфиса Карповна. Вы можете это про себя знать, а я вперед этого слушать не желаю и покорнейше вас прошу...

Пульхерия Андреевна (встает). Не беспокойтесь, не беспокойтесь! Я уж давно сама себя внутренно проклинаю, что мне пришло в мысль зайти к вам. Я хотела для вашей пользы...

Анфиса Карповна. Да сделайте одолжение, не нужно...

Пульхерия Андреевна. И если же после этого когда-нибудь нога моя...

Анфиса Карповна. Очень, очень будем рады.

Пульхерия Андреевна (уходя). Не пришлось бы и мне кланяться.

Анфиса Карповна (проводя ее). Не дай-то господи!

Пульхерия Андреевна (из двери). Осыпь меня, кажется, золотом, так уж я к вам никогда! (Скрывается.)

Анфиса Карповна (в дверях). Я молебен отслужу.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

Татьяна Никоновна.

Олеся.

Пульхерия Андреевна.

Прохор Гаврилыч.

Вавила Осипыч.

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Татьяна Никоновна и Олеся сидят за столом и шьют.

Олеся. Нейдет что-то наша Пульхерия Андреевна.

Татьяна Никоновна. Мало ли у ней дела-то! У ней ведь опека большая, не одни мы с тобой. Разве скоро всю нашу палестину-то обходишь! А она уж как вышла из дома, так всех знакомых навестит.

Олеся. Уж она, чай, все разнюхала; хоть бы рассказала пришла.

Татьяна Никоновна. Что-то ты уж очень слюбодно разговариваешь! А у самой, чай, кошки на сердце скребут...

Олеся. Ровнехонько таки ничего.

Татьяна Никоновна (взглянув в лицо Олесе). Поверю я тебе, как же! Так только куражишься себя.

Олеся. Да, пожалуй, не верьте; мне-то какая надобность! Вы, может быть, потому так заключаете, что я вчера плакала?

Татьяна Никоновна. А хоть бы и потому.

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru

Олењка. Так это только одна глупость была с моей стороны. Не стоит внимания жалеть-то его. Вообразила я себе сдуру-то, что он на мне женится: оттого и обидно стало. А так-то не велика находка! Хуже-то мудрено найти, а лучше-то хоть сейчас.

Татьяна Никоновна. Ты что еще придумываешь? Смотри у меня!

Олењка. Ничего. Не беспокойтесь!

Татьяна Никоновна. То-то, ничего! Я тебя замуж выдам, и таки скорехонько.

Олењка. За кого это, позвольте спросить? За мастерового за какого-нибудь?

Татьяна Никоновна. А хоть бы и за мастерового.

Олењка. Нет, уж увольте, сделайте милость. Идти ли, нет ли, – за благородного; а то так и не надо.

Татьяна Никоновна. Мало бы ты чего захотела! А коли благородных-то не припасено для тебя...

Олењка. Не припасено, так и не надо. Проживу и так.

Татьяна Никоновна. Да я-то не хочу, чтоб ты так жила да ветреничала.

Олењка. Все будет по-вашему, только не горячитесь, пожалуйста! Нарисуйте мне рисунок, как жить; так точно я и буду.

Татьяна Никоновна. Рисовать нечего. Потому что узоры не мудреные.

Входит Пульхерия Андревна и садится.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Пульхерия Андревна.

Пульхерия Андревна. Ну, можете себе представить, как я узнала...

Татьяна Никоновна. Здравствуйте!

Олењка. Как дела?

Пульхерия Андревна. А вот сейчас расскажу все по порядку. Ну, вот-с: ведь была я там, у невесты-то...

Олењка. Были?

Пульхерия Андревна. Была. Даже только сейчас от них.

Олењка. Каким же это манером?

Пульхерия Андревна. А вот каким: у соседки нашей продаётся шаль – презент, понимаете ли. Так как много ей этих презентов делают, так она половину продает. Ну вот подхватила я эту шаль в охапку, да я марш к Шишанчиковым. Шишанчиковы им фамилия-то. Направляю это туда стопы свои, да и думаю: приду будто продавать, а там распушу разговор, не выгонят же. Мне только бы в дом взойти! Так точно и случилось! Прихожу, докладывают; выходит ко мне сама старуха, женщина солидная, обстоятельная... Начинаю разговор: я, говорю, сама благородная дама, наслышана об вас, что вы дочку отдаете, так приятно будет для меня услужить вам. Поверьте, говорю, что я не из интересу, а собственно для вас; ну и пошла, дальше да больше, уж я за словом в карман не полезу. Просят меня кофеем; я располагаюсь как дома. Только мне старуха-то и говорит: «Это точно, я было, говорит, дочь просватала, да теперь у нас, кажется, это дело должна разойтись».

Татьяна Никоновна и Олењка. Как так? Что вы говорите?

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru
Пульхерия Андреевна. А вот слушайте! «Вчерашний, говорит, день нас жених в
большое сомнение ввел». А он, знаете ли, какую штуку отколол! Поехал из дома-то
уж выпивши, с приятелем со своим, с подрядчиком, да, видно, им мало показалось,
так они еще по разным местам заезжали. Где уж они там плутали – это неизвестно;
только к невесте-то он явился уж часу в одиннадцатом и все с этим с Вавилой
Осипычем. Ну, можете себе представить, каковы соколы налетели! Старуха-то мне и
говорит: «Поглядим на них с дочерью, поглядим, да выдем, говорит, в другую
комнату; потолкуем-потолкуем, да опять придем поглядим; да опять выдем –
потолкуем. Нет, видим, дело не годится, так и ушли к себе и легли спать; как уж
они уехали, и не знаем». Ну уж, Татьяна Никоновна, и напела же я им! Я, говорю,
ваши речи послушала, теперь послушайте моих! Да уж и отчитала его, друга милого!
Дивлюсь, откуда только у меня слова брались! Такие слова, самые поразительные!
Они тут же при мне написали записку с отказом и послали ему с человеком. Сегодня
суббота: он в присутствие не ходит, так уж теперь он ее и получил давно; я таки
у них еще с полчаса после этого посидела.

Татьяна Никоновна. Теперь ведь, гляди, сюда придет.

Олеся. Сегодня же придет, уж я его знаю. (Задумывается.)

Татьяна Никоновна. Что ты задумалась?

Олеся. Да надобно язвительных слов побольше придумать.

Татьяна Никоновна. Придумывай, придумывай! И я после подбавлю. Что, дурочка,
рада небось?

Олеся. Да, разумеется, рада; только погодите, маменька, не мешайте! Слова-то в
голове, одно за другим, так и вьются клубком, только бы не забыть.

Пульхерия Андреевна. А уж как я довольна, Татьяна Никоновна, что им форс-то
сбили! А то бы с ними и не сговорил. Теперь спеси-то у них поубудет вершка на
два.

Татьяна Никоновна (взглянув в окно). Никак, едет? Он! Он! да и с купцом.

Пульхерия Андреевна. Вы меня спрячьте куда-нибудь! Не хотелось бы мне, чтоб он
меня здесь видел.

Татьяна Никоновна. А вот пожалуйте за перегородку!

Пульхерия Андреевна уходит.

Ну, Олеся, теперь поругать его хорошенько, да и прогнать. Поставить на порог,
да в три шеи до ворот.

Олеся. Прогнать-то не хитро! Прогнать-то всегда успеем.

Татьяна Никоновна. А что же ?

Олеся. А надобно его жениться заставить, вот что!

Татьяна Никоновна. Уж ты, девка, больно ловка хочешь быть!

Олеся. Чего ж зевать-то! Дураков-то уж нынче, говорят, меньше стало; еще жди,
скоро ли другой-то набежит.

Васютин входит и останавливается в дверях.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Татьяна Никоновна, Олеся и Прохор Гаврилыч.

Прохор Гаврилыч (в дверях). Смотри же, Вавила Осипыч, ты подожди!

Олеся. Я даже, маменька, не могу понять, как это могут люди не иметь совсем
совести! Наделяют в жизни столько гадостей, и не стыдно им людям в глаза

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru смотреть!

Татьяна Никоновна. Разные люди-то бывают. У иного стыд есть, а другому хоть ты кол на голове теши, так ему все равно.

Прохор Гаврилыч (садится). Ну да что вы толкуете! Вы знаете ли, зачем я к вам пришел-то?

Олеся. Нам и знать-то не нужно. Мы и думать-то про вас забыли.

Татьяна Никоновна. Непрошеный гость хуже татарина.

Прохор Гаврилыч. А ведь я жениться-то раздумал.

Олеся. Какое же нам до этого дело! Женитесь вы или не женитесь, нам решительно все равно.

Татьяна Никоновна. Да полно, сами ли раздумали?

Олеся. Не карету ли подали?

Прохор Гаврилыч. Кому это карету? Мне-то? Посмотрел бы я! Я сам не захотел. Что, думаю, связывать-то себя! Жениться-то я еще всегда успею. Невест, что ли, мало в Москве-то!

Татьяна Никоновна. Да-с, да-с! что вам за охота себя связывать!

Обе хохочут.

Прохор Гаврилыч. Да вы что смеетесь-то! Вы, значит, человека ценить не умеете. Почем вы знаете, может быть, я из любви к ней (показывает на Олеся) не женился?

Татьяна Никоновна. Не захотели девушку обидеть. Это очень хорошо с вашей стороны.

Хохочут.

Прохор Гаврилыч. Ну да! Что ж такое! Оттого и не женился. Тебя не захотел обидеть, оттого и не женился. Вот я каков! Захотел тебе доказать, что люблю тебя, и доказал. Уж какая была невеста - прелест! Не хочу, говорю, да и все тут. Олеся, говорю, дороже для меня всего на свете.

Олеся. Очень много вам за это благодарна!

Прохор Гаврилыч. Так маменьке и говорю: «Невеста влюблена в меня; ну и пускай она страдает! А я Олеся ни на кого не променяю».

Татьяна Никоновна. Так вы мою дочку очень любите?

Прохор Гаврилыч. Да нельзя ее и не любить, Татьяна Никоновна! Я вам вот что скажу: никого я так не любил, да никогда и любить не буду. Ее золотить надо: вот какая она девушка!

Олеся. Какие вы жестокости говорите.

Прохор Гаврилыч. Что за жестокости! У меня уж такой характер. Коли я кого полюбил, я уж ничего не пожалею. Что только душе угодно, я сейчас. Деньги я считаю ни за что.

Олеся. Нет, уж это очень жестоко для моего сердца! Я даже и не знаю, что вам отвечать на такие нежности. Помилуйте, стою ли я такой любви от вас?

Татьяна Никоновна. Чего доброго, ты, смотри, к нему на шею не кинься за такие благодеяния!

Олеся. Да уж и то, маменька, насилиу могу совладать с своими чувствами! (Хохочет.) Вот как нас любят, маменька!

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Татьяна Никоновна. Очень вам, батюшка, благодарны. (Кланяется.)

Олеся. Вы всю свою любовь выразили, или еще что-нибудь осталось?

Прохор Гаврилыч. Я могу и на деле доказать.

Олеся. Очень сожалеем, что ваша любовь пришла не ко времени.

Прохор Гаврилыч. Отчего же не ко времени?

Олеся. Немного поздно вы хватились. Я выхожу замуж.

Татьяна Никоновна. Да, батюшка, я ей жениха нашла.

Прохор Гаврилыч. Как замуж? За кого?

Татьяна Никоновна. Уж это, батюшка, наше дело.

Прохор Гаврилыч. Не может быть! Вы, должно быть, нарочно.

Татьяна Никоновна. Хотите верьте, хотите нет, – это дело ваше. Только, батюшка, вот что: вы уж не беспокойте себя, не ходите к нам.

Олеся. Да, уж сделайте такую милость, я вас прошу.

Прохор Гаврилыч. Да когда ж вы это успели?

Татьяна Никоновна. Долго ли, батюшка! Олеся, тебе одеться надо!

Олеся. Да, маменька. Я думаю, скоро жених придет.

Прохор Гаврилыч. Так у вас, значит, кончено?

Татьяна Никоновна. Кончено, батюшка, кончено. Да и в комнате-то нужно прибрать.

Прохор Гаврилыч. Нет, как хотите, а я не пойду отсюда.

Татьяна Никоновна. Так благородные люди не делают. Пришли неизвестно зачем, уселись как дома, и выгнать вас нельзя.

Прохор Гаврилыч. Что хотите требуйте от меня, берите с меня что хотите, только не выходи замуж. Я ни за чем не постою. Ты знаешь, как я привык к тебе; я без тебя с ума сойду.

Олеся. Я бы не пошла ни за кого; но маменька этого хочет.

Татьяна Никоновна. Отчего бы ты не пошла?

Олеся. Вы сами знаете.

Татьяна Никоновна. Знаю, знаю. Против тебя подлости делают, а ты все готова простить, потому что у тебя сердце доброе. Ты плачешь да убиваешься об нем, а он и взгляду-то твоего не стоит. Прощайте, батюшка!

Прохор Гаврилыч. Нет, постойте! Разве она плачет обо мне?

Татьяна Никоновна. Разумеется, плачет. Это она при вас нарочно виду не подает, веселой прикидывается; а без вас, посмотрите-ка, что делает... Да вы нас когда же в покое-то оставите?

Прохор Гаврилыч. Сейчас, сейчас! Так, значит, ты меня любишь? Да это я всегда знал.

Олеся. Конечно, люблю; но маменька, узнавши все это, непременно хочет, чтобы я шла замуж. Я из воли маменькиной не выйду; я и так чувствую себя, что я против нее много виновата.

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru
Татьяна Никоновна. Да, уж я теперь ее ни на шаг не отпущу от себя, пока замуж не
выдам.

Олењка. Само собой, что я по своей любви к тебе не могу тебя равнодушно
оставить; кажется бы, век не рассталась...

Татьяна Никоновна. На то я и мать, чтобы смотреть за тобой! Да что ж вы нейдете!
Будет ли этому конец?

Прохор Гаврилыч. Не пойду я от вас, и свадьбы вашей не бывать; я сам женюсь на
ней.

Татьяна Никоновна. А когда это случится? После дождичка в четверг?

Прохор Гаврилыч. Ну, через месяц.

Татьяна Никоновна. Долго ждать, батюшка! В месяц много воды утечет.

Прохор Гаврилыч. Ну, да уж вы поверьте мне.

Олењка. Поверить-то нельзя.

Прохор Гаврилыч. Отчего же?

Олењка. Оттого, что ты все врешь. Ведь ты нам тут что наговорил; а мы все
знаем. Знаем, как ты вчера к невесте пьяный приезжал, как тебе нынче поутру
записку прислали.

Татьяна Никоновна. Вот, значит, вам верить-то и нельзя.

Прохор Гаврилыч. Ну да вот что: с отцом мне ничего много толковать, мне только
маменьку уговорить. Значит, я вам через полчаса дам ответ. Коли маменька
согласна, так хоть завтра же свадьба.

Татьяна Никоновна. Через полчаса — уж очень скоро; зачем так торопиться? А вот
если к вечеру вы нам не дадите ответу, так мы ее вечером образом благословим.

Прохор Гаврилыч. Ну, так до свиданья! Прощай, Олењка! (Целует ее.)

Олењка (проводая его). Ты только никуда с купцом-то не заезжай!

Прохор Гаврилыч. Нет, я прямо домой. (Уходит.)

Татьяна Никоновна. Уж теперь, должно быть, не сорвется.

Олењка. Да, похоже на то. А ведь я, маменька, буду барыня хоть куда!

Татьяна Никоновна. Еще бы! Только, ох — как пуст малый-то!

Олењка. Все-таки лучше мастерового.

Татьяна Никоновна. Что говорить!

Олењка. А вот я его после свадьбы-то к рукам приберу.

Входит Пульхерия Андреевна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Пульхерия Андреевна.

Пульхерия Андреевна. Ну что, прогнали?

Татьяна Никоновна. Зачем гнать! Добрых людей не гоняют.

Пульхерия Андреевна. Давно ли это он стал для вас добрый человек?

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Оленька. Он всегда был добрый человек, только он немножко рассеян.

Пульхерия Андреевна. Из ваших слов я замечаю, что вы с ним помирились. Это для меня очень странно! После всего того, что он против вас сделал, я бы на вашем месте его и на глаза к себе не пустила.

Оленька. Уж поверьте, что я бы то же сделала. Но он показал себя очень с благородной стороны против меня. Даже в нынешнем свете очень немного таких людей.

Пульхерия Андреевна. Я уж не пойму этого, извините меня.

Татьяна Никоновна. Что ж тут не понять-то! Очень просто. Он женится на Оленьке.

Пульхерия Андреевна. Он! На Оленьке! Вы шутите или смеетесь надо мной?

Татьяна Никоновна. Нисколько не думаем. Да и что же это для вас так удивительно! Что вы тут такого странного находите, хотела бы я знать?

Пульхерия Андреевна. Да что же он, помешался, что ли, от пьянства-то?

Татьяна Никононна. Из чего это вы заключаете, что он помешался?

Пульхерия Андреевна. Да изо всего.

Татьяна Никоновна. Нет, однако?

Пульхерия Андреевна. Да разве в здравом уме можно такие дела сделать?

Оленька. Хотел же он жениться на другой; отчего ж ему на мне не жениться? Я себя нисколько не считаю хуже других.

Пульхерия Андреевна. Все-таки он не должен марать своего звания.

Оленька. Да чем же это марать-то?

Татьяна Никоновна. Да вас-то муж взял, разве вы были лучше Оленьки?

Пульхерия Андреевна. Тогда были совсем другие понятия об жизни, чем теперь.

Татьяна Никоновна. Значит, вам не нравится, что Васютин женится на моей дочери?

Пульхерия Андреевна. Разумеется, она ему не пара.

Татьяна Никоновна. Ну извините, что не спросяюсь вас, дело сделали! Вперед будем спрашиваться. Как это мы оплошили, я уж и не знаю! С такой умной дамой да не посоветовались! Да и он-то как осмелился без вашего позволения, для меня удивительно! Ему бы к вам прийти да спросить: что, мол, мне, Пульхерия Андреевна, жениться на Оленьке или нет?

Пульхерия Андреевна. Вы мне колкостей не говорите! Я от вас их слушать не желаю.

Татьяна Никоновна. А мы-то, вы думаете, желаем вас слушать? Да с чего вы взяли нам свою важность-то показывать! Кому она нужна! Что вы величаетесь-то перед нами!

Оленька. Оставьте, маменька! Пущай говорят что хотят.

Татьяна Никоновна. Нет, погоди! Я тебя в обиду никому не дам. Это уж и на свете жить не надо, коли у себя в доме да над собой же ругаться позволить.

Пульхерия Андреевна (встает). Вы, по своему необразованнию, можете ругаться; а я никогда себе этого не позволю, потому что считаю за невежество. А я все-таки вам скажу и всегда буду говорить, что ваша дочь никаким образом не пара Васютину.

Татьяна Никоновна. Говорить вам никто не запрещает. Говорите что хотите, только где-нибудь в другом месте, а не у нас.

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru
Пульхерия Андреевна. Вам только таких дураков и опутывать, как Васютин.

Олеся. Вы очень умны; да жаль, что некстати.

Татьяна Никоновна. Эк вам чужое-то счастье поперек горла становится! Да еще
погодите, мы вам то ли покажем! Вот мы с дочерью-то разоденемся, да будем в
коляске на своих лошадях разъезжать. Что-то вы тогда скажете?

Пульхерия Андреевна. Вы и сидеть-то в коляске не умеете.

Татьяна Никоновна. К вам учиться не пойдем, не беспокойтесь!

Пульхерия Андреевна. Не об чем мне беспокоиться; я очень покойна.

Татьяна Никоновна. А покойны, так и прекрасно. Вы бы и нас-то тоже в покое
оставили!

Пульхерия Андреевна. И оставлю. Я секунды не могу остаться после таких
оскорбительных для меня слов.

Татьяна Никоновна. Да уж и напредки-то...

Пульхерия Андреевна. Само собою. (Подходя к двери.) Нет, какова нынче
благодарность! Ведь это если людям сказать, так не поверят. По чьей милости
Васютину-то отказали?

Татьяна Никоновна. Небось по вашей? Да если бы и по вашей, так все-таки вы не
для нас делали; да никто вас об этом и не просил, а так, свое сердце тешили.
Разве вы можете жить без кляузов?

Пульхерия Андреевна. Что же я, аспид, по-вашему? Покорно вас благодарю за такое
мнение.

Татьяна Никоновна. Не стоит благодарности. Чего другого, а за этим у меня дело
не станет.

Пульхерия Андреевна. Нет, уж это нестерпимо даже, как вы себе много воли даете!

Татьяна Никоновна. Да кого ж мне в своем доме бояться! Кто чего стоит, так я и
ценю.

Пульхерия Андреевна. Я всегда дороже вас была и буду.

Татьяна Никоновна. Для кого это вы дороги-то? Ну, да ваше счастье! Вы туда бы и
ходили, где вас высоко-то ценят! А мы народ неблагодарный, ваших благодеяний не
чувствуем, благородством вашим не нуждаемся, так что вам за охота с нами
знакомство водить!

Пульхерия Андреевна. Ну, уж теперь кончено! Теперь я вас очень хорошо поняла.

Татьяна Никоновна. И слава богу!

Пульхерия Андреевна. Так поняла, что даже считаю ваше знакомство низким для себя!

Татьяна Никоновна. Ну а низко, так и танцуйте от нас!

Пульхерия Андреевна. Вот воспитание!

Татьяна Никоновна. Извините! В другой раз придет, так поучтивее прогоним.

Пульхерия Андреевна. До чего я себя довела! Где я? Боже мой! Сколько еще в нашей
стороне невежества, так это и описать нельзя. И с такими-то понятиями люди, да
еще находят женихов из благородного звания! Должно быть, конец света скоро
будет. (В дверях.) Хотя я себя никак с вами не равняю, но все-таки я вашей обиды
не забуду. (Уходит.)

Татьяна Никоновна (подойдя к двери). Танцуйте, танцуйте! (Дочери.) Ну, уж теперь
долго не придет. Отчитала я ее, будет помнить!

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Оленька. Сами без нее соскучитесь. (Глядит в окно.)

Татьяна Никоновна. Ну, нет, не скоро. Грешная я: точно, поболтать люблю, посудачить, и очень рада, когда мне есть с кем разговоры развести; да уж ехидством-то своим она меня доехала. С ней часто говорить нельзя, много крови портится. Кого ты глядишь?

Оленька. Так, смотрю.

Татьяна Никоновна. Что скрывать-то! Друга милого поджидаешь. А он, гляди, кантует теперь где-нибудь с купцом с этим и думать о тебе забыл.

Оленька. А вот ошиблись. Идет.

Татьяна Никоновна. Ужли идет?

Оленька. Право!

Татьяна Никоновна. Ну, что-то бог даст! У меня, девушка, сердце так и застучало.

Оленька. И у меня тоже, маменька.

Васютин входит. Обе молча глядят на него.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Прохор Гаврилыч.

Прохор Гаврилыч. Что вы на меня так смотрите?

Татьяна Никоновна. Ждем, что скажешь. Разве не видишь, у нас дух захватило?

Прохор Гаврилыч. Что говорить-то! Теперь уж ваш, хоть в телегу запрягайте!

Оленька бросается к нему на шею.

Татьяна Никоновна. Поцелуй уж и меня, старуху. (Целует его.) Ну, вот и ладно! Нынче же мы вас и благословим; а через недельку и свадьбу сыграем.

Прохор Гаврилыч. Как хотите. Чем скорей, тем для меня лучше. Обвенчался, да и к стороне, чтоб меньше разговору было.

Татьяна Никоновна. Уж само собой. Ну что, как дома-то уладил?

Прохор Гаврилыч. Насилу маменьку уговорил. Уж чего-чего я не прибирал! да после вчерашнего-то голова болит, так мыслей никак не соберу; а то бы я ей не то наговорил. «Вы, говорю, хотите, маменька, чтобы я в тоску впал. Знаете, говорю, что от тоски человек делает, к чему его тянет?» Ну, испугалась; согласилась, только чтобы врозвь жить.

Оленька. Да это еще лучше.

Прохор Гаврилыч. Да и для меня свободнее. Ну, потом рассмешил ее, ручки у ней расцеловал. Благословила она меня, я к вам и пошел.

Татьяна Никоновна. Ах, голубчик мой! Ну, уж я за тобой теперь стану ухаживать, что твоя родная мать.

Оленька. Надо б тебя поругать, надо бы; ну, да уж бог с тобой!

Прохор Гаврилыч. А за что это ?

Оленька. А за то, что ты мне изменить хотел. Ведь что ты выдумал-то! на образованной барышне жениться! Во-первых, ты всю мою душу истерзал, а во-вторых, глупость-то какая с твоей стороны! Маменька, уж как мне обидно было, что он меня обманывает, как досадно, что он дурака из себя разыгрывает. Нет, погоди, я тебе

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru
еще это вымешу. Ведь куда и лезет-то! Ну, пара ли она тебе?

Прохор Гаврилыч. Что ж такое! Я сам...

Оленька. Что ты сам? Ничего. Ей нужно жениха барина; а какой ты барин? С которой стороны? Только денег-то награбили, да уж и думаете об себе, что вам все покоряться должны.

Прохор Гаврилыч. Коли ты так обо мне думаешь, какая же может быть у тебя любовь ко мне! Да и мне что ж за охота...

Оленька. Погоди, не перебивай! Дай ты мне высказать-то все: сердце свое облегчить, чтобы зла не оставалось, а потом уж всё целоваться будем.

Прохор Гаврилыч. Ну, болтай, пожалуй, коли язык чешется!

Оленька. Ну, положим, что ты женился б на ней; что ж бы вышло из этого хорошего? Если у ней вольный дух, так она смеялась бы над тобой да любовника завела; а если смирная, так иссохла бы, глядя на тебя. А ведь уж я-то тебя знаю; жизнью своей безобразной ты меня не удивишь! Я тебя и остановить умею, и гостей твоих знаю, как принимать, да еще и вкусу тебя научу, как одеваться и как вести себя благородней. А ты было меня совсем бросить хотел! Ну какой же ты человек после этого! (Плачет.)

Прохор Гаврилыч. Прости! Ведь по нашей жизни замотаешься; а тут еще маменька пристает.

Оленька. Ну, бог с тобой! Расстроила только я себя. давай помиримся.

Целуются.

Татьяна Никоновна. Вот так-то лучше! Дай вам бог совет да любовь!

Прохор Гаврилыч. Что это Вавила Осипыч найдет?

Вавила Осипыч входит с кульком вина.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Вавила Осипыч.

Купец. А вот и я здесь! Хозяюшке наше почтение! Барышня, желаю здравствовать. (Кланяется.)

Прохор Гаврилыч. Что ты замешкался?

Купец. А я забежал, кулечек винца захватил. Хозяюшка, нет ли какой посудины? Коли бокальчиков нет, так из чайной чашки можно; нам случалось не раз, мы народ бывалый.

Татьяна Никоновна. как бокальчиков не быть! (Уходит за перегородку.)

Купец. А уж штопор, барышня, я завсегда с собой ношу. У меня складной, с ножичком, да теперь его и не требуется. Только ножичек нужно. Я, барин, велел и смолку сбить и проволоку отвернуть; только веревочки подрезать – и конец. (Вынимает из кармана штопор.)

Татьяна Никоновна (приносит стаканы на подносе). Вот, батюшка, стаканчики!

Купец. Стаканчиком-то оно еще способнее! (Откупоривает, наливает и подносит Татьяне Никоновне.) Честь имеет поздравить! Пожалуйте, хозяйушка!

Татьяна Никоновна. Ох, много!

Купец. Пожалуйте, без церемонии-с!

Татьяна Никоновна (берет стакан). Ну, дай вам бог всякой радости. (Целуется с

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Васютином и дочерью, отпивает немногого.)

Купец (не принимая стакана). Просим обо всей-с!

Татьяна Никоновна. Тяжело, батюшка!

Купец. Ничего-с. Не хмельное, пройдет.

Татьяна Никоновна допивает и отдает стакан. Он наливает и подносит Оленьке.

Пожалуйте-с.

Оленька. Я не пью.

Купец. Нельзя-с!

Оленька. Право, не могу.

Купец. Никак невозможно-с.

Татьяна Никоновна. Выпей немножко!

Оленька целуется с Васютином и отпивает немногого.

Купец. Этого нельзя-с. Зла не оставляйте-с!

Оленька. Я вас уверяю, что не могу.

Купец. Пожалуйте! Не задерживайте-с!

Прохор Гаврилыч. Выпей, поневолься!

Оленька допивает.

Купец (наливает и подносит Васютину). Пожалуйте-с.

Прохор Гаврилыч. Маменька, за ваше здоровье! Оленька, за твое здоровье!
(Целуется и пьет.)

Купец (наливает). Вот теперь я сам выпью-с! Честь имеем, на многие лета! чтобы
вам богатеть, а нам на вас радоваться, да всегда компания водить! (Пьет и
целуется со всеми.) Оченно приятно-с! Уж мы теперь, хозяйка, к вам каждый
вечер.

Татьяна Никоновна. Милости просим, батюшка!

Прохор Гаврилыч. Мы, маменька, теперь уж ваши гости.

Купец. Мы здесь гнездышко совьем! Только вы, хозяйка, насчет провианту не
беспокойтесь на будущее время, - это уж моя забота. Я к вам завтрашнего числа
зараз побольше привезу, чтоб надолго хватило. (Откупоривает еще бутылку и
наливает.)

Прохор Гаврилыч. Опять тем же порядком!

Купец. Как водится. Сначала дамам.

Татьяна Никоновна. Батюшка, увольте!

Купец. Уж это, Прохор Гаврилыч, так чин чином по порядку у нас линия и пойдет.
(Подносит Татьяне Никоновне.)

Татьяна Никоновна. Да ты дай хоть вздохнуть-то немножко!

Купец. Не задерживайте-с!

КОММЕНТАРИИ

Впервые пьеса была опубликована в журнале «Современник», 1860, № 9.

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

Начало работы над пьесой, очевидно, относится к концу 50.-х годов. Первые четыре явления и часть пятого (д. 1), включая слова Татьяны Никоновны: «Пожалуйте, пожалуйте!» (стр. 285-297 наст., изд.), были опубликованы в журнале «Московский вестник», 1859, № 29 (цензурное разрешение 31 июля 1859 г.).

С июня по октябрь 1859 года драматург писал «Грозу» и только после ее окончания вернулся к прерванной работе над комедией «Старый друг лучше новых двух». Он завершил ее 17 апреля 1860 года.

По свидетельству А. А. Стаховича, прототипом Густомесова в известной мере был дядя Прова Садовского Сергей Семенович Кошеверов. «Вспомнились мне, — писал об этом Стахович, — неистощимые ласкательные и поощрительные поговорки Сергея Семеновича для каждой предлагаемой им рюмки вина или водки и финальная фраза „Не задерживайтесь!“, чтобы кончили одну серию выпивки или задушевный тост и переходили бы к следующим.» Эту обычную фразу Кошеверова (отчасти и его самого) поместил Ал. Ник. в лице купца в комедии «Старый друг лучше новых двух» (А. А. Стахович, «Клочки воспоминаний», М. 1904, стр. 84).

Посылая пьесу в «Современник», Островский просил И. И. Панаева в письме от 28 августа 1860 года: «...Сделайте милость, прикажите получше просмотреть корректуру» (т. XIV, стр. 86).

Критика отнеслась к новой комедии Островского по-разному. Так, рецензент журнала «Русское слово» В. Иванов считал, что новая пьеса Островского слабее всех его произведений («Русское слово», 1860, ноябрь, стр. 81).

Иначе оценили комедию Н. А. Некрасов и Н. А. Добролюбов: «Мы с Добролюбовым, — сообщал Некрасов драматургу, — ее прочли и нашли, что ока в своем роде великолепна — то есть вполне достойна Вашего дарования» («Неизданные письма к А. Н. Островскому», Academia, М. — Л. 1932, стр. 280).

О персонажах комедии «Старый друг лучше новых двух» Оленьке и Пульхерии Андреевне И. И. Панаев писал: «С глубокою тонкостью и верностью очерчено г. Островским в его „Старом друге“ лицо Оленьки... Это, по нашему мнению, лучшее лицо комедии, не исключая и Пульхерии Андреевны, на которой движется вся пьеса и которая мастерски изображена автором: но таких лиц уже пытались не раз изображать наши авторы более или менее удачно. Писателю, как г. Островский, ничего не стоило изобразить типически Пульхерию Андреевну; с Оленькой справиться было гораздо труднее, и именно в выполнении этого характера по преимуществу обнаруживается сила таланта г. Островского. Оленька, по нашему мнению, принадлежит к удачнейшим женским характерам г. Островского» («Современник», 1860, сентябрь, стр. 402). Пьесу же в целом Панаев оценил как «мастерски набросанные картинки», «так поразительно верные натураe».

В 1860 году в этой комедии выступил сам Островский в роли Густомесова в любительском спектакле в Москве на сцене так называемого Красноворотского театра, в доме Давыдова. Близкий знакомый драматурга Н. А. Дубровский, служивший в Московской дворцовой конторе, записал в своем дневнике: «15 сентября возобновились спектакли у Давыдова. Я играл роль Васютина из новой пьесы Островского „Старый друг лучше новых двух“. Сам автор играл роль купца. Присутствующие остались играть нашей очень довольны. Жаль, что мы играли только одно второе действие» («Театральный дневник 1860 г. г. Дубровского». Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, лист 18 — оборот и 19). 15 декабря 1863 года по просьбе Московского кружка любителей драматического искусства Островский еще раз выступил в роли Густомесова (т. XIV, стр. 111).

На профессиональной сцене комедию впервые представил Александринский театр в Петербурге 10 октября 1860 года. Спектакль шел в пользу семьи умершего А. Е. Мартынова. Роли исполняли: Татьяна Никоновна — П. К. Громова, Оленька — Ф. К. Снеткова З-я, Пульхерия Андреевна — Ю. Н. Линская, Густомесов — Ф. А. Бурдин, Анфиса Карповна — Е. А. Сабурова, Орест — И. Ф. Горбунов, Прохор Гаврилыч — А. И. Максимов, Гаврила Прохорыч — П. И. Зубров.

Критика особенно выделяла игру Снетковой З-й, Линской и Бурдина. Так, И. И. Панаев писал в «Современнике»: «...Почти ни одной фальшивой ноты не было слышно в голосе г-жи Снетковой З-й, она воспроизвела эту роль тонко, просто, верно, без малейшей фальшивой сценической идеализации... Роль Пульхерии Андреевны разыграна

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru г-жою Линской безуказненно. Эта роль как будто создана для нее. Г-н Бурдин был очень хорош в роли купца» («Современник», 1860, октябрь, стр. 402-403).

На той же сцене комедия «Старый друг лучше новых двух» была возобновлена в 1863 году в бенефис Бурдина, затем в 1875 году в бенефис Горбунова, она ставилась неоднократно и в другие годы. Лучшей в Петербурге признана первая постановка.

Однако в Александрийском театре не могли полностью раскрыть содержание пьесы и создать запоминающийся спектакль. Лучшее сценическое воплощение ее было осуществлено московским Малым театром 14 октября 1860 года, в бенефис Бороздиной 2-й, с которой Островский сам «проходил» роль Оленьки и которая сыграла ее превосходно. Хорошо играла также С. П. Акимова в роли мещанки Татьяны Никоновны. Другие роли исполняли: Густомесов – П. М. Садовский, Пульхерия Андреевна – Бороздина 1-я, Прохор Гаврилыч – И. В. Востоков, Анфиса Карповна – Н. В. Рыкалова, Гаврила Прохорыч – П. Г. Степанов, Орест – В. В. Живокини.

Театральный критик А. Баженов с восторгом писал об игре Садовского: «...Исполнение это было верх комического совершенства; каждое слово решительно отчеканивалось им, а невозмутимое хладнокровие, с которым отпускал он самые уморительные прибаутки и балагурства, вроде, например, поздравления с первой пятницей на этой неделе, или уговоры допить все вино: „нельзя-с! – не оставляют“, – было поразительно» («Искусство», 1860, N 3, октябрь, стр. 50-51).

Новый сценический успех пьесы «Старый друг лучше новых двух» связан с именами Ольги Осиповны и Михаила Провыча Садовских.

Впервые О. О. Садовская сыграла роль Пульхерии Андреевны Гущиной еще при поступлении на сцену Малого театра. «В этих сценах... несмотря на однообразие впечатления, – писал П. Боборыкин, – г-жа Садовская сумела каждый раз быть забавной. У ней много комических оттенков в разговоре. Московским разночинным жаргоном она владеет замечательно хорошо» («Русские ведомости», 1879, 24 октября, N 266). В дальнейшем О. Садовская довела роль Гущиной до высшей степени совершенства. Вот как описывает ее выступление Любовь Гуревич:

«Посмотрите в изображении Садовской на скверную старушонку Гущину – мелкую злюку, сплетницу, кляузницу, изображающую из себя чванную даму, а на самом деле совершенно лишенную чувства собственного достоинства... На ней нарядное золотистое платье, из-под белого чепца с кружевом и ниспадающими по плечам желтыми лентами выглядывают рыжеватые, слегка вьющиеся волосы; у нее большой недобрый рот с иронически опущенными углами и круглые голубые глаза. И вы угадываете по какому-то неуловимому оттенку в выражении глаз, что в молодости Гущина очень много смотрелась в зеркало, и кокетничала, и жеманилась; может быть, даже она и впрямь была когда-то красива... в поворотах ее головы, в пожимании плеч под шалью в ней еще чувствуются следы самодовольства и жеманства и, вероятно, она и сейчас, одеваясь, долго вертится перед зеркалом и кажется себе барыней, сохранившей долю былого очарования. Всего этого нет в словах ее роли; но, вычитывая характеристику Гущиной из текста Островского, артистка углубляет для себя эту характеристику, вносит в нее интимные психологические черты, – и опять мы видим перед собою не извне схваченную бытовую фигуру, а живой человеческий образ, в котором заключено большое художественное обобщение» («Речь», 1916, N 128, стр. 5).

Неоднократно О. О. Садовская брала роль Пульхерии Андреевны Гущиной в дни своих юбилеев. Отмечая 25- и 35-летнее пребывание на сцене Малого театра, она выступила в этой же пьесе.

Другим выдающимся участником в спектаклях «Старый друг лучше новых двух» на сцене Малого театра был М. П. Садовский в роли купца Густомесова. Впервые он сыграл ее в свой бенефис 25 ноября 1897 года. Вот как описывает игру Садовского театральный критик С. Васильев-Флеров: «Этому купцу, по ремарке самого автора, около 35 лет. Да уж и пожил он уж изрядно. По наружности он старше своих лет. Таким олицетворяет его Г. Садовский: что это за прелест! Как искренне входит он в проект матери относительно женитьбы молодого Васютина. С какою убежденностью говорит, что „вино для дома вещь необходимая, потому что завсегда требуется“. С каким авторитетом опыта и знания рассказывает матери, что в „купечестве“ не всякого полюбят, „а с разбором“, кто чего стоит. С каким лоском, подсмотренным у половых в Троицком трактире, подносит он стакан на подносе. Нельзя представить себе лучшего Вавилы Осиповича» («Московские ведомости», 1897, 8 декабря, N 338).

Старый друг лучше новых двух. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru

Комментарии Г. П. Пирогова.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!